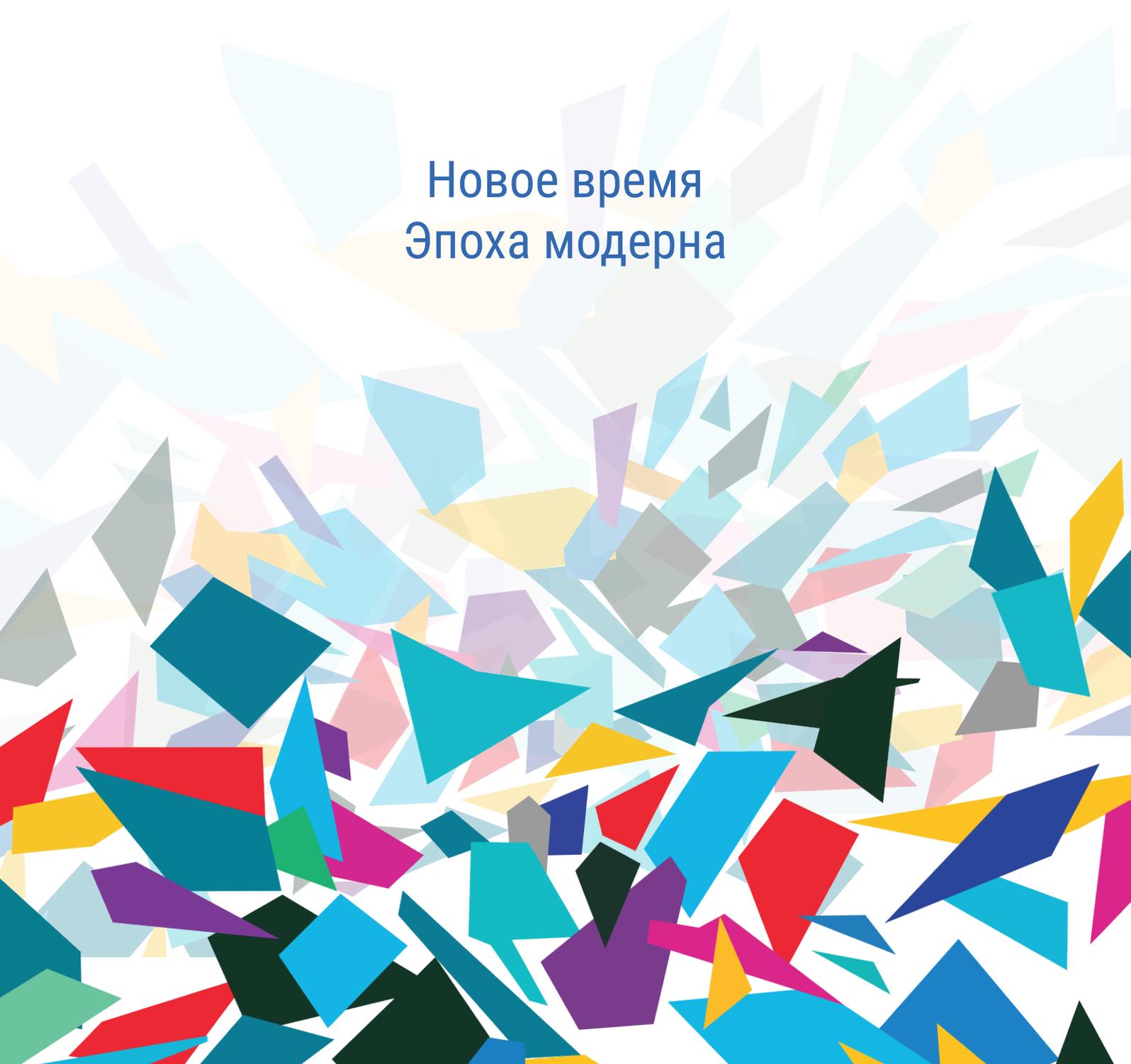

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Новое время
Эпоха модерна

За Ренессансом, Реформацией и Кризисом в 17 веке начался период, именуемый «Новым временем» – или же «эпохой модерна». Именно с середины 18 века мир начал принимать знакомые нам очертания, приобретать определившие его качества – в том числе и стремление к постоянным изменениям. В этом становлении безусловно сыграли свою роль факторы, неосознаваемые изначально человечеством; однако неосознанное в эпоху модерна быстро перешло в область осознанного, что и проявилось в широко распространившейся идее об Истории и о Прогрессе, как о главной составляющей исторического развития.

Модерн, поэтому, можно описать как взаимодействие между все более ускоряющимся темпом перемен (проявляющихся в росте населения, технологических новшествах, социальных трансформациях и т. д.) – и сопутствующим этим переменам осознанию и интерпретации их смысла – будь то в восторженном или в критическом ключе.

Одним из ключевых событий, заложивших основу для эпохи Модерна, является, по мнению авторов, «энергетическая революция». Уже на начальных стадиях трансформации традиционного промысла в современную индустрию, люди приступили к использованию энергетического потенциала углеводородов – угля, затем нефти и газа – в невиданных масштабах. Количество доступной энергии – а следовательно и ее потребление – возросло в тысячи раз за последние триста лет. Можно утверждать, что эпоха, начавшаяся с сельскохозяйственной революции в раннем Неолите (12,000 тысяч лет назад), благодаря новым способам по извлечению и использованию энергии, оказалась преодоленной, и новая эпоха, полная драмы и неопределенности, пришла ей на смену.

Помимо энергетической революции, следует подчеркнуть следующие центральные тенденции наступившего Модерна:

- Обретение человечеством возможности изменять окружающий мир, а не только, как прежде, адаптироваться к его условиям.
- Резкое ускорение в темпах роста населения; заметим, что за последние 300 лет, население Земного шара увеличилось в 10 раз.
- Беспрецедентный технологический и научный прогресс, приведший к радикальным изменениям в материальных условиях жизни людей.
- Уплотнение экономических, культурных, биологических и демографических связей, способствующих обмену и накоплению знаний.
- Многократное усиление роли государства в формировании общественной жизни и в регламентации существования отдельно взятого индивидуума.
- Появление и распространение новых политических и философских теорий, видящих в народе – а не в традиции или в Боге – уникальный источник легитимной власти.

Все эти тенденции нашли свое, пусть и незаконченное, отражение в великих общественных, экономических и политических потрясениях 18-19 веков: революциях в Северной Америке и во Франции, и в начавшейся в Англии Индустриальной Революции.

Открытия 15-16 веков дали толчок к развитию мировой экономической системы. Одним из ее проявлений стала глобальная коммерциализация; сырье, продукция, даже люди обменивались на золото, серебро и товары, внося вклад в появление ранней потребительской культуры. Коммерциализация, связав силу государства с экономическим состоянием общества, поставила перед властными институтами новые задачи в виде поиска источников сырья и рынков сбыта, контроля над торговыми путями, установлении протекционистских мер защиты внутренних рынков, и т. д. Это требовало, в свою очередь, эффективного бюрократического аппарата и хорошо оснащенных армий и флотов, что не могло не привести к значительному росту государственных издержек. Попытки найти необходимые финансовые ресурсы посредством создания новых налогов сталкивались со все большим сопротивлением масс, выражавшихся как в полемических трактах, так и в открытых восстаниях.

Хотя везде эффект глобальной коммерциализации был глубоким, равнозначным он не был. В Европе, еще до индустриальной революции, вовлечение в глобальную сеть товарообмена привело к переменам в практике труда и потребления – явлению, именуемого историками – «industrious revolutions» – «революциями усердия». С одной стороны, появление новых импортных товаров – таких как чай из Китая, текстиль из Индии, мебели и прочих предметов

обихода – создало условия для развития раннего потребительского общества. В людях со средним достатком росло желание приобретать вещи, а не создавать их собственными руками, как это было принято при натуральном хозяйстве. Для этого им нужны были деньги, а деньги могли быть получены либо путем продажи – скажем, излишков урожая – либо через наемный труд. И в том, и в другом случае работать необходимо было больше, коль скоро речь уже не шла только об обеспечении «базовых нужд». Подогреваемый растущим потреблением, труд постепенно терял характер сезонности, создавая тем самым население, готовое к вызовам надвигающейся индустриальной эры.

В рассматриваемую эпоху Азия продолжала оставаться в центре мировой экономической деятельности; изменения, связанные с коммерциализацией, затронули эту огромную часть света схожим с Европой образом. Росту населения сопутствует рост производительности: так, на Китай приходится 30 процентов всех произведенных товаров. Индия с 23 процентами мировой продукции следует недалеко позади. Уровень жизни, ее продолжительность, благосостояние население были сопоставимы с европейскими. Все это в равной мере относится и к Японии – хотя здесь к началу 18 века, после периода роста, обозначилось некоторое замедление.

Африка была связана с мировой торговлей – в первую очередь – работорговлей. Нет сомнения, что участвующая в торговле невольниками африканская элита извлекала финансовую выгоду для себя. Для континента же в целом это обернулось катастрофой: не говоря о демографических последствиях работорговли, экономика, в первую очередь, сельское хозяйство, лишилась наиболее трудоспособной части населения. Более того, обмен рабов на европейские товары производства – хлопка и изделий из железа – стал одной из причин упадка местных ремесел.

Присутствие на мировой арене в условиях коммерциализации стоило всем участникам больших усилий. В Азии лучше всех с проблемой неустанно растущих государственных затрат справлялся до начала 19 века Циньский Китай. Большие же мусульманские империи в 18 веке вошли в полосу упадка. Так, Империя Великих Моголов начала распадаться на составные части сразу после смерти Аурангзеба. Его войны, хоть и привели к краткосрочному господству династии почти на всем субконтиненте, полностью истощили казну, оставив наследников без необходимых для поддержания державных амбиций средств. Князья-махараджи, набобы, ответственные за сбор налогов в своих вотчинах, начали проводить политику, независимую от Делийского двора. К этому необходимо добавить внутренние восстания, порожденные недовольством финансовой и религиозной политикой Аурангзеба; наиболее значимым среди них стало выступление маратхов, приведшее к утрате Декканского плато Моголами. Вторгнувшись в 1739 году войска иранского правителя Надир Шаха низвели Моголов до уровня правителей Дели и окрестностей с номинальным суверенитетом над бывшими вассалами. Все это создало политический вакуум, заполнить который оказались в состоянии не маратхи с персами, а находящаяся в Калькутте британская Ост-Индская компания.

Ослабление Османской империи приняло менее драматичные формы; тем не менее, период экспансии закончился, и, начался период медленного отступления; в 1699 году, а затем в 1718, империя была вынуждена отдать Габсбургам Венгрию, Трансильванию, Банат, часть Сербии и Боснии; некоторые из этих территорий будут обратно отвоеваны османами, однако две неудачные войны с Россией во второй половине 18 века привели к новым значительным утратам в северном Причерноморье и на Кавказе.

Османская империя обнаружила себя под прессом не только внешних врагов. Финансовое состояние государства было далеко не блестящим; янычары, прежде бывшие источником главных триумфов османского оружия, превратились в опасную преторианскую гвардию, в заложниках у которой находился сам султан; феодальные магнаты, паши, назначенные управлять провинциями – становились хозяевами подвластных им земель, и все реже посылали собираемые налоги в государственную казну. Европейцы, прежде оперирующие в империи благодаря системе капитуляций, теперь предпочитали договариваться с этими автономными властителями, нежели с султанским двором. Одним словом, несмотря на сохранение значительного геополитического веса и обширных территорий, в империи происходил процесс перехода власти из центра в руки отдаленных от него локальных элит.

Распад Империи Великих Моголов, смуты в Иране, нарастающий кризис власти в Османской империи – общее ослабление великих ближне- и средне-восточных монархий – стали тем планом на фоне которого росло европейское влияние в Азии. У этого процесса, как оказалось в дальнейшем, была своя высокая цена. За право обладать торговыми и территориальными привилегиями в разряженное политическое пространство бросились основные игроки с Атлантики: Англия, Франция, Нидерланды, Испания. Им приходилось бороться не только с друг другом, следуя модели, установленной на Европейском континенте, но и с местными торговыми игроками, купцами из Китая, Индии, арабских регионов, Малайского полуострова и т. д. Конкуренция с ними долгое время не приводила к желаемым результатам и поэтому, намереваясь поддержать свои монополистические устремления политическими доводами, европейские торговые компании все больше склонялись к «силовому решению» проблемы.

Так, захватившие ранее Джакарту и переименовав ее в Батавию, голландцы в конце 17 и первой половине 18 веков организовали ряд военных компаний с целью покорения всего острова Ява. В результате голландская Ост-Индская компания приобрела возможность контролировать сельскохозяйственное производство, вынуждая яванских крестьян выделять все больше земли под коммерческие культуры (в первую очередь, кофе).

Еще агрессивнее в отношении своих конкурентов проявила себя Британская Ост-Индская компания. Обосновавшись в Бенгалии, компания долгое время зависела от благожелательности Могольских падишахов. С ослаблением власти последних и не уступая ни в чем локальным правителям, компания включилась в дележ обширного имперского наследия. Переломным для нее стал год 1757, когда нанятые ей смешанные европейско-индийские отряды под предводительством Роберта Клайва разбили при деревне Плесси армию Бенгальского набоба. Результатом стала аннексия компанией всей Бенгалии, одной из наиболее экономически развитых и густонаселенных регионов Субконтинента. Наступление компании, поддерживаемой огромными людскими и финансовыми ресурсами, продолжалось и далее, приведя к многочисленным конфликтам с Маратхской конфедерацией, государством Майсур на юге Индии, а затем с сикхами в Пенджабе и гуркхами в Непале. К началу 19 века решительной победы англичане добились только над Майсуром, однако их позиция значительно усилилась как по сравнению с позицией 50-летней давности, так и с позицией других европейских игроков.

Своему усилению Британская Ост-Индская Компания была обязана и тем колониальным войнам, что Великобритания вела на протяжении 17 и 18 веков. Основным ее противником выступала Франция, стремившаяся еще со времен первых Бурбонов к установлению гегемонии на Европейском континенте. Многочисленные войны с вовлечением всех европейских держав не заканчивались решительной победой ни для одной из сторон. Исключением стала начавшаяся в 1756 году Семилетняя война, в которой Англия с Пруссией противостояли поддерживаемому Россией необычному Франко-Австрийскому союзу. Ведомая в Европе, Индии, Северной Америке и Африке, она была, по существу, мировой войной за господство в колониях. И если в самой Европе война закончилась сохранением границ *ante-bellum*, то за ее пределами Французской колониальной империи был нанесен тяжелейший удар.

По заключенному в 1763 году Парижскому мирному договору, Франция лишалась своих Американских колоний в пользу Англии и Испании, а также теряла недавние приобретения на побережье Карнатик в южной Индии. Британия превратилась в неоспоримую хозяйку морей, что, казалось, надолго гарантировало стране лидирующие позиции в мировой торговле. Однако через 20 лет Британская империя будет потрясена восстанием в своих североамериканских колониях. Непосредственная причина этого оказалось заложена в самой Семилетней войне и ее успешном для Британии окончании – а именно, в огромных финансовых расходах на поддержку не только собственной, но и прусской военной машины, и в тех дилеммах, с которыми Лондону пришлось столкнуться с приобретением новых территорий.